

КРЫСИНЫЙ РАЙ

На свиноферме, что близ деревни Рогволово, крыс расплодилось видимо-невидимо. Что только не делал начальник свинофермы Пospelов. Отраву с областной санэпидстанции выписывал, приманки ставил — лишь сторожевых собак потравил. А крысам все нипочем. Потому как тварь исключительно хитрая и верткая. Ни человеку, ни природе от нее никакой пользы. Только хватает и грызет, да еще то, что получше, норовит. Обнаглели вконец и людей уже не боятся. Усядутся на перила клеток, мордочки передними лапками чистят. Когда замахнешься на нее, юркнет в навозную жижу в стоке, и глядь - уже вынырнула неподалеку, отряхивается и смотрит, куда бы еще шмыгнуть да чего-нибудь урвать. Сухое зерно, которого на складе полные закрома, не больно жалует, подай ей распаренных кормов, что свиньям готовят.

День и ночь стоит на ферме крысиный пир горой. Застрял как-то поросенок меж прутьев барьера, не мог голову вытащить, так за ночь крысы у него у живого задние ноги до костей обглодали. Явились утром свинарки, а он визжит, сердечный; заколоть пришлось: не жилец.

Но это куда ни шло. Стал гибнуть на ферме приплод. Сначала на свиней деревенские грешили. Свинья - животное, конечно, от ленивой жизни флегматичное и неуклюжее. Иная махина раз-два ступит копытом на собственный молодняк - кому кишки выпустит, кому хребет переломает. А то вместе с последом и любимое чадо счавкает. Бывает такое.

Свиньи однако, как выяснилось, были тут ни при чем. Крысы разбойничали. Только что родившийся детеныш - он ведь беззащитный и ножонки еле-еле волочит. Цапнет его мерзкий хищник клыками, оставит ранку - тот уж и не дышит. Паразитам только этого и надо. Обчистят так, что один скелетик останется. Да еще усядутся прямо на нос дремлющей свиноматке, празднуют - все равно не словит.

Находились еще вот какие изощренные твари. Затихнут в уголке, приоткроют пасть и ждут, словно рыбак улова. А улов - он рядом. Топчется бедный малыш, ищет материнскую сиську и принимает за нее крысиный язык. Тут и смерть к нему приходит. Ничем не брезгует гадина, и все ей мало, мало.

Какие только средства не перепробовал начальник Пospelов. Впору бы ему отступить, но бывал он настырен вопреки логике и здравому смыслу. Принял он на работу ветврача и первым делом ему говорит:

-Выведешь крыс - значит, сработаемся. А нет - прощай.

Сказал, конечно, в обычном своем менторско-барственном тоне деревенского начальника. Ветврач Полушников, молодой, лет тридцати, присмотрелся к нему странно так и отвечает нахальным басом:

-Вы мне, пожалуйста, сказки не рассказывайте. Я ветврач, и обязанность

моя скотину лечить. А крыс вы все равно не выведете. Просто, когда на них кругом ловушки были понаставлены и отравы была, их меньше водилось. А в иные годы столько плодилось, что все съедали, так что оставалось под конец только друг дружку глотать. Ладно, подумаем, как уменьшить поголовье крыс и увеличить поголовье свиней.

Успокоился пока насчет крыс Пospelов и стал думать о том, как быть дальше. А думать было о чем, потому как председатель колхоза, которому принадлежала ферма, прямо заявил, что еще год, от силы два подержит свинарник на своем горбу, а потом переведет на хозрасчет. У самих забот полон рот, и как свести концы с концами некогда мощнейший колхоз-миллионер не знает (не теперешние пустые миллионы были, а старые, настоящие). Как ни считал - убыточно производство мяса. Корма дороже хлеба, за литр солярки - слыхано ли дело! - три литра молока просят. Только затем и держит председатель свинарник, чтоб своих рабочих подкармливать, заинтересовать как-то да бартер делать. Средства пока что есть - от сплава за границу делового хвойника. Хоть и дурят их московские конторы-паразиты, узурпировавшие право на экспорт леса, задерживая валютные платежи, многократно пуская чужие доллары в оборот и огребая чужой доход, все равно это выгодно. Не будь леса, давно бы колхоз вылетел в трубу.

Все это Пospelов знает, и потому крепко думать ему предстоит о рентабельности фермы. И начинает помысливать о себе Пospelов уже не просто как о начальнике, а как о большом и важном таком хозяине. Раньше, бывало, тут грудинку забитой свиньи забудет включить в ведомость, там потихоньку колхозные корма на кессон для своей дачи поменяет, а теперь чего таиться: свинарник со всеми потрохами бесплатно в руки плывет. В правительстве открытым текстом заявили: нужна опора, класс собственников. И чем больше у тебя власти, тем больше возможности стать собственником.

Чаще стал наведываться Пospelов на ферму, обходить ее потаенные уголки и совать всюду, как замечали мужики, свой нос. Составляло такое подвижничество для него некоторую трудность, потому как прихрамывал он: правая нога выросла короче левой. Из-за такого недостатка да малого роста казалось, что и не хромает он, а как-то странно дергается. И всюду, где он ни был, носились серые полчища крыс, от которых предстояло избавиться.

Против самого серого цвета Пospelов ничего не имел. О том свидетельствовал и его неизменный «кемель» из дешевой бархатистой материи, напоминающий крысиную шкурку. И физиономия у Пospelова была словно у какой-то резиновой зверюшки, добродушно-недоверчивая. Говорил он голосом чуть скрипучим, всегда ровным, и по первому впечатлению можно было решить, что человек он рассудительный и внимательный к своим подопечным.

Любил Пospelов давать мужикам скрупулезные «це. у.», особенно в подпитии, а в таком состоянии он пребывал частенько. По сему случаю он обязательно собирал народ в красном уголке. «Уголком» служило пропахшее

аммиаком помещение с обшарпанными стульями, на которые никто уже не зарился, чем и можно было объяснить их удивительное долголетие. На одной из стен комнаты висел портрет Ленина, пока его не заменили, по указу Пospelова, на изображение ныне здравствующего государственного лидера, умудрившегося за ночь раскромсать на части великую страну. С деятелем нового мышления продолжали мирно соседствовать давно выцветшие, засиженные мухами лозунги и обязательства, оставшиеся от старой эпохи.

В обычные дни Пospelов давал «це. у.» походя.

-Ну мужики, я вам серьезно говорю, чтоб вы воду экономили. Кровь смыл свиньи забитой - два ведра вылил! А мог бы и одним обойтись!..

-Да воды-то цельный пруд, начальник,- с обычной своей снисходительностью по отношению к Пospelову, словно к психическому больному, и с ухмылкой сообщил Дронов, обросший щетиной мужик с сизовато-одутловатым лицом и пятью судимостями за плечами.

-Это сейчас целый пруд, а промерзнет в декабре вода до дна, так узнаете.

Недавно принятые на работу мужики жали плечами и недоуменно посматривали на других. А те давно были знакомы с Пospelовым и потому делали вид, что слушают.

-Кулибин, ты у нас ответственный за прожектор. Почему свет до сих пор горит? Сходи, сходи, глянь. Еще раз увижу - и распрощаемся. За твоей спиной десять желающих стоят. Это вам не социализм строить!..

Кулибин было прозвище горожанина Постнова, которое приклеили ему местные, да так удачно, что настоящая его фамилия тут же напрочь забылась. Кулибин еще недавно был инженером-исследователем на секретном предприятии по производству и разработке оптического оборудования для подводных лодок, что, собственно, и послужило поводом для прозвища. Но, как завелось, производство рассекретили, устраивая экскурсии для резидентов всех разведок и контрразведок мира, а потом и вовсе закрыли. Завод стал выпускать алюминиевые ложки и печки-буржуйки для дачников. Необходимость в инженерах отпала. И хоть у Кулибина был статус безработного, он не считал зазорным устроиться на ферму - троих детей и неработающую жену на пособие не прокормишь.

Кулибин вышел во двор. Прожектор и в самом деле горел, хотя он его еще утром выключал. Кто-то успел схватиться за рубильник.

Да, Кулибин был специалистом высокого класса, и его уважали на прежней работе. А теперь он стоял по щиколотки в навозе, выслушивал угрозы от какого-то хромого мужичонки с неоконченным средним образованием, и ему было стыдно, как будто был он в чем-то виноват.

-Бывший советский, а ныне российский разведчик продал всю европейскую резидентуру Центральному разведывательному управлению за три миллиона долларов, - вещал бодрый голос диктора из громкоговорителя, установленного на летнем выгоне.- Кто он - диссидент и демократ или предатель, - над этим размышляют сейчас в стране, - продолжал диктор.

Кулибин курил. Работу на сегодня он выполнил, а видеть Пospelова не хотелось. До автобуса оставался еще час. Двадцать пять километров, и он в городе, дома. Нужно будет купить продуктов на завтра, чтоб взять с собой. В Рогволове ведь теперь ни магазинов, ни столовой. Позакрывали. Вчера ему с трудом удалось достать сигареты, так как их из государственных торговых точек подчистую скупали спекулянты и, прежде чем пустить по двойной цене в продажу, какое-то время выжидали.

Он бросил окурок и пошел в красный уголок. Пospelов уже уехал. Мужики пили бесцветную жидкость из двухсотграммовых пузатых фанфуриков. Их уже немало пустых каталось по полу. Кулибин поднял один, прочел маркировку на английском.

-Мужики, - сказал, - соображаете: им за границей стекло очищают, а вы пьете.

-В коммерческом брали, - поведали мужики, - в городе. Хорошее вино, забористое.

Кулибин понял, что возражать не стоит.

Накачивались мужики почти ежедневно. Причем, до стадии невероятной. Они махали растопыренными руками, будто слепые, что-то выясняя, что - понять было невозможно.

Откуда у рабочих деньги на импортные стеклоочистители, выдаваемые деловыми людьми за вино, при их-то ничтожной зарплате, которой хватало разве что на хлеб, догадаться было нетрудно. Дронов, к примеру, не слезал с колхозного «Беларуси» как в бреду, так и при некотором кратковременном прояснении сознания. То у мелиораторов солярку сольет, то тюки прессованного сена с колхозного поля «загонит», то телегу с комбикормами укатит. А вино рядом - один предприимчивый дачник из города привозит. Дронов Пospelову прямо так и сказал:

-Ты, начальник, хоть копейки мне плати, я не обижусь. Только алименты из этих копеечек исправно переводи да проценты (Дронов был условно осужден). А на что я жить буду, не твоя забота.

Бывало, конечно, что мужики внезапно переставали пить. Но сей удивительный факт означал только одно: у них кончились деньги.

«И чего они пьют? - размышлял иногда Кулибин. - Жизнь, что ли, остобрыдла?.. Да и не мудрено от такой-то жизни...»

Не желая больше выслушивать пьяный бред, Кулибин отправился на остановку. Автобус не пришел. Такое в последнее время случалось. Некоторые рейсы из-за малого количества пассажиров снимали. Билеты дорожали день ото дня, и люди совсем перестали ездить. До следующего рейса оставалось более часа, и Кулибин вернулся на ферму.

Он сразу увидел, как Дронов с ночным сторожем Михой волокут вдоль забора довольно большую свиную тушу. Ударная вечерняя работа их удивляла, и потому тут же мелькнула невероятная мысль: «Неужели воруют?..» Но он отмел ее. Да нет же, не может быть. Так внаглую, никого не опасаясь, грохнуть

свинью килограмм на полтора ста...

Дронов тоже заметил Кулибина.

-Чего вернулся? - зло спросил он. Дронов держал топор, а руки его были по локоть в крови. Свежая кровь была настолько ярко-алой, что казалось, и не кровь это, а люминесцентная краска.

-Автобус не пришел...

-Ты вот чего, ты ничего здесь не видел, понял?! - внезапно голос Дронова обрел угрожающие интонации, не оставляющие никаких сомнений в том, что догадка была верной. Кулибин застал мужиков в нежелательный момент. «Но сторож, он-то ведь отвечает...» - наивно подумал Кулибин, и тут ему вспомнилась случайно оброненная реплика Пospelова, на которую он тогда не обратил внимания: «Я сам не знаю, сколько у меня на летнем выгоне свиней пасется. Вот загоним на зиму и сосчитаем...»

Дронов с Михой вплотную подступили к Кулибину.

-Ты понял? - зашипел Дронов и взмахнул топором. Его пьяные глаза безумно бегали. - Не то тебя заместо свиньи окучу. Миха знает, я слов на ветер не бросаю... Тебе жить, думай. Здесь все заодно. И никто никому не мешает. Жить-то надо.

-Ты меня топором не пугай! - крикнул Кулибин и выхватил из-за голенища нож, с каким ходят на медведя. Не ожидая такого поворота дел, Дронов отшатнулся. - Я в грязь нос не сую, - отрезал Кулибин, пряча нож, и пошел обратно.

-Стой! - догнал Миха и тронул за плечо. - Хошь мяса, возьми. Выбирай любой кусок, отрежем. Пуд так пуд, два так два. Сколько унесешь.

-Не надо мне мяса. - И добавил, встретив недоуменный, подозревающий нехорошее взгляд Михи: -Да не заложу я вас!..

На душе у Кулибина, однако, было беспокойно. Он стал свидетелем кражи, чуть ли не разбоя, но обещал молчать. Следовательно, волей-неволей становился соучастником.

Конечно, с приходом эры нового мышления воровать начали поголовно, и стар и млад, не боясь и не стеснясь. Кто-то занимался этим от крайней нужды, кто-то от жадности и безнаказанности. Работницы кондитерской фабрики сумками носили конфеты и шоколад, рабочие домостроительного комбината, почти не прячась, целыми грузовиками торговали государственными стройматериалами, а повара столовых и продавцы продмагов воровали то, что уже наполовину было уворовано по пути в их славные учреждения... Под жар речей о реформаторском мышлении наглые личности с большими полномочиями всюду воровали вагонами, составами и целыми территориями.

Все обстояло именно так, но эти доводы мало успокаивали Кулибина.

...Несколько дней спустя Pospelov приехал на личном «жигуленке» раньше обычного и приказал забить две головы «для внутренних нужд».

Дронов был асом по части забоя. Если для остальных забойщиков это

было хоть и необходимым, но неприятным делом, то Дронов, взяв в руки нож, преобразался в артиста-тореадора. Нож играл в его руке. За особый шик считал он грубым пинком насторожить, испугать обреченное животное, хотя мог бы прикончить его без лишней суеты, неожиданно. Он словно бы гордился тем, что жертва все равно не ускользнет.

Дронов, как всегда, выполнил свое дело, а рубить тушу на части начальник взялся собственноручно. Рубил в складском ангаре, вдали от людских глаз.

Заполнив мякотью большой, размером с картофельный мешок из полиэтилена, приказал Дронову:

-Снеси ко мне в багажник. Да много не мельтеши.

Остальное мясо под контролем Пospelова стали продавать рабочим, предварительно взвешивая на весах.

То, что Кулибин не заложил Дронова и Миху, растопило стену недоверия к этому подозрительному городскому интеллигентушке, и потому, завидев сейчас Кулибина, Дронов настроился на душевный лад.

-Отборное мяско, а? - говорил он, укладывая мешок в багажник. - А думаешь, Пospelов за него платить будет? Это только нам, дуракам, платить надо. Ну да я-то - я сам возьму, сколько надо, как он берет. Этот козел и не узнает.

Когда мясо было распределено, Пospelов решил обмыть такое дело в красном уголке с ветврачом Полушниковым. Причащался шеф с ним уже не впервой, опору искал в нем, что ли, или просто так, кто знает.

-Как крысы, Полушников? - с показной требовательностью спросил Пospelов.

-Что - крысы? Бегают.

-Почему не травишь?

-Яда на них не напасешься. Да поймите, Тимофей Григорьевич, эта зараза хитрая, ой, хитрая, просто так ее не выведешь. Попадется одна в крысоловку - второй раз ставить бесполезно, если не смажешь подсолнечным маслом. Чуют запах погибшей и в западню больше не сунутся. Поизобретательней нас с вами! Вот рассказывают, как они куриные яйца таскают. Одна крыса ложится на спину, захватывает четырьмя лапами добычу, а другая волочет ее за хвост. Так в подполье одного дома целый склад яиц обнаружили... Самое лучшее - мне бабки рассказывали - взять кошку, недавно окотившуюся. Котят в стальную бочку поместить, чтоб не сожрали их, а кошку - рядом с бочкой. Обычно кошки крыс боятся, а тут инстинкт срывает, и она крыс мочить начинает без разбору.

-Да ты сдурел, Полушников! Знаешь, сколько их тут развелось? Тьма!.. К каждой крысе по кошке не поставишь. В корень надо зреть, в систему. Уразумел?.. Ладно, потом будешь зубы заговаривать, - Пospelов достал из портфеля бутылку «Русской», покрутил в руках. - Вызови-ка ко мне Миху-сторожа.

Миха явился.

-Ну, - сказал Пospelов, - электрическую плитку я у вас заберу. Положь ее, пока не забыл, ко мне в машину на сиденье. Нечего зря энергию жечь, да и плитки нынче дорогие, доведете.

-А как же готовить-то?..

-Вы не жрать сюда ходите, а службу нести. Экономия должна быть. А теперь пшел вон!.. Ферму я приватизировать буду,—продолжал Пospelов теперь уже Полушникову, - а ты кумекай, как лучше.

-Да что вы, Тимофей Григорьевич! То вам крыс травы, то ферму приватизируй. Я за животинной смотреть должен, чтоб она нормально развивалась. Я свое дело люблю. Каждый должен свое дело делать... Сходите к юристу, мзду хорошую отвалите - он вам черта родным братом оформит. Да потом, не верю я во все это. Липа.

-Кому-то липа, а кому и не липа... Зря, думаешь, черные по деревням шастают, ваучеры скупают? Прибирать нужно ферму. Два-три человека - и все. Этим проходимцам, пахарям тут делать нечего. Пусть пашут, а не владеют.

-Да вы лучше меня знаете: держимся за счет колхозного леса. Сдохнем мы при самостоятельности - однозначно. Посмотрите, что тут творится: племенных свиней бьете. Кормите так, чтоб только не околели. Какой тут прирост веса! И это при дотациях. Бесперспективно. Загнемся, как все погибаются.

-Племенные... А ты на что!.. Продержимся - не продержимся, в убытке не останемся, - разоткровенничался по пьяному делу шеф. - Семьсот голов - тут мяса на дикие миллионы. Секешь? Их завсегда в дело пустить можно.

Полушников, кажется, начинал осваивать ход мыслей шефа, но особого энтузиазма не проявил: знал уготованное себе место. Произнес лишь коротко:

-Смотрите, Тимофей Григорьевич. Вы начальник. Поедете-то как?

-Я к себе на дачу. Тут, рядом. - Пospelов разлил локтем полстакана, - ничего, - он принялся доливать водку. - Даже с-сам, с-сам, - он поднял вверх указательный палец, - когда в Татарии, теперь Татарстан по-ихнему называют, ездил, прямо так и сказал: «Берите, - говорит, - сколько сможете унести. Все». П-понятно?

-Да нет же, не так это было, - поправил Полушников.- Приехал он к татарам, значит. А те ему: «Желаем, мол, восстановить нашу Золотую Орду на территории самозванной так называемой России в границах до той поры, как великий князь Дмитрий Донской нас порубал. И чтоб все те, желаем, кто не наши, уезжали в Псковские, Московские и прочие удельные княжества к едреней фене». А он им в ответ: «Пожалуйста. Берите столько суверенитета, сколько сможете унести».

-Ну а я про что?.. Да я, я, - разошелся Пospelов, стуча яростно себя в грудь, - я за всенародного нашего президента горой, гор-рой!.. Он нам реформы открыл! И за друга его, главного бухгалтера, как его, маленький, толстый такой...

-Это который чмокает все время, как у бадьи, - подсказал Полушников, - который все золото за границу сплавил и концов не могут найти.

-Ну-ну, - пропустил упоенный начальник мимо ушей ползучий полушниковский сарказм. - Он самый. Он правильно говорит. Не можете содержать скот - режьте. Ничего страшного. Выживет сильнейший. А заграница нам поможет. Бухгалтер - он знает, его в Америке научили. Умнейшие люди. Я за них - гор-рой!..

Зря напился в тот день Тимофей Григорьевич. Стукнул он машину у самой дачи. Но это еще полбеды. Дронов в тот день по обыкновению тоже надрался, ну и сразу на «Беларусь» - по окрестностям шнырять, свой «бизнес» делать. Тут его гаишники и повязали.

Поспелов долго не появлялся. Занимался машиной. Да еще Дронов на голову свалился.

-Гони мерзавца в три шеи, - слышалось от колхозного начальства. - Сколько можно терпеть! Каждый день ЧП. На работе месяцами не видно.

-Жалко мне его, - слезливо тянул Поспелов. - Ведь посадят. Жизнь человеку поломаем. Хотел я его уволить, да отошло у меня зло. Прощу и на этот раз.

Необычайная какая-то доброта обуяла Поспелова, ибо других-то он выгонял совсем ни за что.

-А знаешь, почему меня начальник любит? - с усмешкой спросил у Кулибина Дронов. Правда, усмешка у него на сей раз была грустная. - «Отремонтируешь мне машину - прощу, - говорит, - а нет, бумагам ход дам, сидеть будешь». Вот такая у нас с ним любовь. А запчастей хрен где достанешь. Но я достану, и он это знает. Поэтому любит меня.

-Где же ты достанешь?

-Где, где. Как мясо берем, так и запчасти достанем.

Шло время, мужики потихоньку пропивали свои ваучеры разным наезжим дельцам. Недорого, всего за две бутылки. Объясняли просто: «Скинут Бориску, и пойдете со своими ваучерами в нужник».

Дела в колхозе, который вдруг стали обзывать акционерным обществом, день ото дня шли хуже и хуже. Рабочих увольняли. Деревенские жители не тужили, занимались тем же, что и горожане: спекулировали в городе сигаретами и жвачкой. «Мы-то проживем, - говорили лукаво, - а городские как хотят».

Видя такой поворот дел, председатель бывшего колхоза свалил свинарник на шею Поспелову: «Держай, как знаешь. Даю тебе полную финансовую самостоятельность». Поспелов широко расправил плечи, набрал полную грудь воздуха и давай шастать по ферме с еще большим рвением. Электроплитки он ради экономии из красного уголка уже позабирал, теперь экспроприировал последний кипятильник для чая. Такова была его кардинальная реформа. Сильного эффекта она не дала. Корма и горючее продолжали таять, новых запасов не поступало: платить было нечем.

Бегал, бегал Пospelов по ферме, задумался. Видит, сидит на барьере клетки перед самым его носом отъевшаяся и, по всему видно, тупая крыса и внимательно так на него смотрит (умная давно бы вон шмыгнула). Нагло смотрит, даже ехидно. И нисколько не боится. Огляделся Пospelов, чем бы ее шибануть, а рядом как назло ничего нет.

«Ну Полушников, ну, сукин сын, так и не вывел мне крыс! - подумал в сердцах Пospelов. - Еще бы корма оставались! Завтра же уволю лодыря чертова. Зарплату ветврача заодно сэкономлю».

А вскоре закипела большая работа. Приватизировал Пospelов ферму - и с новыми силами за реформы взялся. Две трети поголовья вырезали в Рогволове. Мужики устали щетину на свиных тушах паяльными лампами опаливать да машины загружать. После того, как сделали они свое дело, Пospelов большинство из них поувольнял. А сам в отпуск пошел. Мужикам, как и положено туго соображающей рабсиле, по минимальной официальной зарплате выдал. Себе отпускные - две тысячи таких зарплат. За усердие, башковитость бизнесмена, в общем. Ведь резко разбогатела ферма на свиных-то тушах при Пospelове.

Расположился он у себя в конторе. Весь стол кипами денег завален - не сосчитать. Аж нервная дрожь пробила - какие горизонты открываться начинали. Заходил в волнении по кабинету. К черту «девятку», теперь в какой-нибудь крутой лэндровер, непременно в него! Раньше он недосягаем был, как самолет там или ракета, и мыслей о нем никогда не возникало. А теперь на вот, почти в руках. К чертям собачьим дачу-курятник. Коттедж будет строить трехэтажный с бассейном и лифтом, и крышей медной, подальше от этих гнилых и морозных мест, где-нибудь на юге. На все хватит. А не хватит - еще сам себе премиальных подбросит. Потом остальных свиней в расход, а деньги в банк, под проценты. Жить можно будет. У них там, в банках, никто не работает, а деньги идут.

Ходил он взад-вперед, важно и горделиво подергиваясь, и вступил хромой ногой во что-то мягкое... Так его и перекосило всего. Опять крыса, только дохлая. Огромная, с пузом. Ему даже померещилось, не та ли, которую он накануне у клетки видел. Прогрызла дыру под плинтусом, напакостила, наоставляла кругом своих отвратительных катышков и исдохла. «Не иначе с пережору», - смекнул сообразительный Пospelов и давай ее с омерзением ногой обратно в дыру заталкивать. Еле управился.

Вновь прошелся вокруг стола, стер со лба внезапно прошибший пот, пошевелил коротко стриженными серыми усиками, шмыгнул носом. И пристально присмотрелся почему-то к своему изображению в зеркале.

Вдруг слышались топот в коридоре, крики мужиков.

-Ирод проклятый, у нас ведь семьи, что есть будем, где работать? Дели отпускные, не то голову снимем!

Узнали все-таки, как ни скрывал. Бухгалтер настучал, точно он. Что за народ поганый, никому доверять нельзя!..

Перепроверил Пospelов дверной запор на крепость и говорит в замочную

скважину:

-Не ваши отпускные, а мои. Я заработал! Убирайтесь подброду-поздорову. Не семнадцатый год на дворе.

-Мы тебя, гада хромого, хапугу, все одно не выпустим, дежурить будем.

-Ты, Дронов, тоже убирайся первый и других не баламуть. Посажу я тебя.

-Не посадишь, начальник,— орет через дверь Дронов. - Потому - много про тебя знаем.

-Знай - не знай, мы теперь хозяева!..

Поспелов и так, и сяк, и лаской, и уговорами мужиков взять пробует - ничего не выходит. Времени уже десять вечера. А завтра Поспелову за границу ехать: в Крым. Отдыхать от сельхозтрудов. Берет он трубку и звонит в райотдел милиции:

-Спасайте, слуги вы наши народные. Тут у меня алкаши пьяные собрались, убить хотят.

Омоновцы, когда раздался звонок, пили в дежурке заморское хмельное, грызли импортные брикеты и смотрели порнуху по видео. Под окнами стояли иностранные «тачки», извлеченные со дна необъятных свалок цивилизованного мира.

Они приехали в белых касках со стеклами и бронежилетах, одуревшие от безделья и потому очень охочие до разминки.

-Холуи продажные, морды-то отье... - мелкому воришке Дронову не дал договорить удар, грамотно пришедшийся в затылок. Не забыли выбить зубы и никому теперь не нужному Кулибину.

Быстро освободили начальника. Того, кто не успел убежать, в фургон затолкали.

Захлопнулась дверца «автозака», и новый хозяин Поспелов, приплясывая, с бодростью, похожей больше на припадок непреходящего, почти истерического страха, сунул полупьяному громиле пачку ассигнаций.

-Выручили, братцы! Тут на всех... в-всех... хватит...

Поспелов улетел в Крым. На всей огромной территории летнего выгона неприкаянно бродили оставшиеся в живых свиньи со впалыми боками и выступающими ребрами. На краях грязных кормушек тут и там гроздьями роились крысы, все еще что-то суетливо выискивая, хотя кормушки пустовали. Громкоговоритель по-прежнему был включен на полную мощь. И как-то странно, неуместно-торжественно среди этого внезапного запустения звучал голос ведущей областного радио, давно привычный уху, вкрадчивый, приторный, полный фальшиво подогретого пафоса:

-На днях отделением местного ОМОНа была успешно пресечена попытка нападения красно-коричневых молодчиков на директора свинокомплекса, предпринимателя-подвижника, реформатора, человека новой эпохи... Сограждане, господа, друзья! Вспомним наших отцов и дедов, павших

смертью храбрых в войне с фашизмом, вспомним трех наших сыновей, безвременно задавленных на баррикадах девяносто первого! - Последовала прочувствованная пауза. - Милые наши мальчики! Фашисты не пройдут никогда! Вы вчера доказали это.

Все, как прежде, было в Рогволове. Лишь на антенне новенького поспеловского джипа «Гранд чероки» висело нечто, ампутированное с туши последнего племенного хряка, забитого на ферме, да на дверце машины в бессильном гневе глубоко было выцарапано короткое бранное слово...